

ресурсов в интересах народного хозяйства тормозилось феодально-крепостническим строем. Крепостное положение крестьян лишало их свободы передвижения и, следовательно, препятствовало легальному переселению на сибирские земли. Переселение же государственных крестьян было ограничено необходимостью получить разрешение начальства, «очиститься» от всех недоимок по казенным податям и повинностям, а также от частных долгов и взысканий. Крайне отрицательно отражалась на переселении бюрократически-полицейская опека над крестьянством, взяточничество и произвол чиновников, расхищавших даже скудные средства, ассигнованные на переселение. Во всем сказывалось бесправие народа, «ибо крепостнические латифундии и господство кабалы в земледелии означают и соответственную политическую надстройку, господство черносотенного помещика в государстве, бесправие населения».²³

Крестьянство в основной своей массе не обладало средствами, необходимыми для широкого хозяйственного использования новых земель, особенно на таких отдаленных окраинах России, как Сибирь. Феодально-крепостнический строй препятствовал свободному размещению населения по территории обширной страны в соответствии с потребностями развития производительных сил.

2. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫСЛЫ. КРЕСТЬЯНСТВО

Земледельческое хозяйство Сибири, основы которого были заложены конце XVI—XVII вв. и получили дальнейшее развитие в XVIII в, в рассматриваемый период приобретает более широкое распространение было связано не только с успехами заселения Сибири, но и с улучшением снабжения земледельческого населения сельскохозяйственными орудиями. По мере усиления связей с европейской частью России, роста добычи железа в крае, развития железоделательного производства в Сибири все большее распространение и применение находили сошники, серпы, косы и вообще железо для разных хозяйственных поделок.

Дальнейшему развитию земледелия способствовал также возроставший на сибирском рынке спрос на хлеб со стороны новых переселенцев, городского, промыслового, заводского населения, охотников, рыбаков и оленеводов Севера, винокуренных заводов, воинских гарнизонов, а затем по мере роста добычи золота — и со стороны рабочих золотых приисков. Сибирский хлеб доставлялся в российские владения на Аляске и островах Тихого океана. Хлеб был также предметом меновой пограничной торговли. Сибирские крестьяне, как и в XVIII в., высевали те же сельскохозяйственные культуры, которые известны были и в Центральной России, по-прежнему основу питания и товарной продукции составляла рожь (озимая и яровая). Посевы яровых хлебов, заметно возросшие уже во второй половине XVIII в., особенно увеличились в XIX в. Обозревая Тобольскую губернию в 1823 г., генерал-губернатор Западной Сибири Капцевич

²² Там же оп. 1, д. 1, л. 20 (Записка Сибирского Комитета 1852 г.).

²³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 16, стр. 227.

отметил, что «крестьяне почти все оставили посевы ржи и сеют яровицу».²⁴ В течение 10—15 лет перешли к посевам яровых хлебов крестьяне большинства волостей Курганского, Ишимского и Ялуторовского округов. Табл. 9,

составленная по данным губернаторских отчетов, дает сведения о соотношении яровых и озимых хлебов в крестьянских посевах по Западной Сибири.

Крестьяне отдавали предпочтение яровым, которые в Сибири реже, чем озимые, давали неурожай из-за климатических условий. Все более прочное положение завоевывает пшеница. В южных округах Западной Сибири только на протяжении первой четверти XIX в. ее посевы увеличиваются в 3 раза и более, на некоторых территориях даже в 10 раз.

Почти каждый крестьянин имел огород, засаженный капустой, свеклой, морковью, огурцами, репой, редькой, горохом, бобами, луком, чесноком.

ТАБЛИЦА 9

Соотношение яровых и озимых хлебов в крестьянских посевах по Западной Сибири (в четвертях)²⁵

Год	Тобольская губерния		Томская губерния	
	озимые	яровые	озимые	яровые
1818	144592	412710	—	—
1825	99895	528954	68642	234309
1830	88579	548124	65604	250454
1835	95708	567659	104155	247690
1840	102258	602293	106536	279713
1847	104190	652776	129428	469450
1850	97942	749550	144677	507405
1858	126275	1049692	140484	548172

В некоторых сибирских селениях выращивали арбузы, дыни, хмель. Разведением бахчевых культур стал славиться Минусинский округ Енисейской губернии.

Заметное место в товарной продукции крестьянского хозяйства начинает занимать табак. По данным Сибирского комитета, «по селениям и округам гряды ломаются под табаком (тютюном). Цена табаку возвышается весною до 20 рублей за пуд ассигнациями».²⁶ Наибольшее распространение посевы табака получили в Бийском округе, в меньшей степени — в Барнаульском округе Томской губернии. В 1857 г. по распоряжению горного начальства на Алтае стали разводить высшие сорта табака под руководством выписанного из Европейской России садовника. Табак возделывался также в Омском, Ишимском округах, в виде опыта его стали выращивать в Тюменском и Тобольском округах.²⁷ Табак скупался местными купцами и находил сбыт в Казахской степи.

В 50-х годах XIX в. были предприняты удачные опыты выращивания сахарной свеклы и сахароварения в Барнаульском округе.

Сравнительно новой для Сибири культурой был картофель. Первые опыты посадки картофеля производились в этом крае в 60-х годах XVIII в. В 1767 г. Медицинская коллегия рассылала сибирским губерна-

²⁴ ГАОО, ф. Главного управления Западной Сибири, оп. 1, д. 265, лл. 11—18, 47, 50, 51.

²⁵ Там же, д. 547, лл. 27, 28; д. 333, лл. 44, 45; д. 979, лл. 16, 17; д. 1057, лл. 167, 168; д. 1540, лл. 205, 206, 554, 555; д. 1995, лл. 99, 100, 417. Оп. 2, д. 2544, лл. 411, 631; д. 2579, лл. 92—95; д. 4291, лл. 109-113.

²⁶ ЦГИА СССР, ф. Второго Сибирского комитета, оп. 1, д. 67, л. 24.

²⁷ ГАОО, ф. Главного управления Западной Сибири, оп. 3, д. 3962, лл. 24, 25; д. 4144, лл. 227, 228, 595, 596.

торам пакеты, содержавшие по несколько «от земляных яблок семян» с предложением «раздать любопытным мещанам по приобщенному при том наставлении» для опытных посадок. В 1804 г. специальным правительственным указом было предложено разводить картофель в сибирских губерниях. Наставления и предписания о картофеле рассылались и позже. В 1812 г. вышел указ о повсеместном разведении этой культуры. Картофель, по мнению правительства, должен был заменить во время неурожая зерновые хлеба и составить «здоровую и питательную пищу для населения». Однако распространение новой культуры шло медленно. Пионерами его разведения были, по-видимому, занимавшиеся огородничеством мещане. Сивере, проезжавший через Иркутск в 1790 г., сообщал, что многие иркутяне имеют огороды и разводят картофель, известный здесь уже около 25 лет. В сельских местностях эта культура распространяется позже. О существовании посевов картофеля в Иркутском наместничестве упоминается в «Топографическом описании» 1791 г. В ряде волостей его начали культивировать лишь в первой четверти XIX в.

Ранние сведения об урожае картофеля в Тобольской губернии относятся к 1813 г. Тогда было собрано всего 139 четвертей. С 40—50-х годов XIX в. урожаи картофеля в Сибири увеличиваются: в 1851 г. в предбайкальских и забайкальских уездах собрали 2137118 пудов картофеля; в Енисейской губернии в 1858 г. — 1 138 320 пудов; в Томской губернии в 1861 г. — 2045512 пудов.²⁸ Картофель становится не только огородной, но и полевой культурой.

В первой половине XIX в. в Западной Сибири существовали переложная (залежная) и трехпольная системы земледелия. В 20-х—30-х годах XIX в. переложная система имела еще довольно широкое распространение. Отмечая это, тобольский губернатор Ногин обращал внимание на то, что в силу обилия плодородных земель в Ялуторовском, Ишимском, Курганском, Тюменском и Тарском округах укоренился обычай не удобрять земли. Обычно крестьянин выпашивал ближние земли и переходил на новые, иногда верст за 20—30 от деревни, где устраивал заимку-хутор со всеми необходимыми постройками.²⁹ На вновь разработанных землях хлеб сеяли не более 8 лет подряд, после чего их забрасывали лет на 15.³⁰

В Енисейской губернии преобладало трехполье, которое перемежалось с перелогом. «Земля выпашивается не прежде 7, 10, 12 лет, а с пособием пара бывает годною и до 18 лет. Оставленная выпашанная земля, отдохнув лет 20, опять поступает в пашню».³¹ В отчете о состоянии Иркутской губернии за 1851 г. сообщалось: «Система хозяйства трехпольная и более переложная. Землевозделывание состоит только в расчистке лесов, землеудобрения нет, пахание везде мелкое, производится сохою, поверхность пашни сплошная, пропашка земли производится мелкими бородами».³² В Забайкалье получило распространение двухполье, которое сочеталось с перелогом.

Крестьяне различали пашни с «жирными» почвами (черноземные), пашни среднего достоинства, старые «тощие» пашни и «моченки», орошаемые наводненными канавами. Русские и бурятские крестьяне Забайкалья применяли искусственное орошение пашен и покосов. Поливные нивы и покосы приносили устойчивые и хорошие урожаи. Забайкальские крестьяне расчищали под л пашню леса, растущие на склонах гор, и на значительной иногда высоте распахивали поля. Нагорные поля не боялись засухи и раннего осеннего инея,

поражавшего степные нивы. В пригранич-

²⁸ Данные о сборе картофеля приведены по отчетам губернаторов (ЦГИА СССР, ф. Второго Сибирского комитета).

²⁹ ГАОО, ф. Главного управления Западной Сибири, оп. 1, д. 1043, л. 52.

³⁰ С. Прутченко. Сибирские окраины. СПб., 1899, Приложения, стр. 296, 297.

³¹ А. П. Степанов. Енисейская губерния, ч. I. СПб., 1835, стр. 233.

³² ЦГИА СССР, ф. Второго Сибирского комитета, оп. 1, д. 86.

ных местностях Нерчинского уезда крестьяне принимали меры против выдувания семян сильными ветрами: поля после посева и бороньбы укатывали деревянными катками.

Сибирские крестьяне по-прежнему пользовались сохой с одним или двумя железными сошниками, бороной с деревянными зубьями или бороной-плетенкой из прутьев, косой-горбушей, серпом, вилами и граблями. Сев производился вручную из лукошек. Молотили цепями на земляных или ледяных токах. Однако небольшие усовершенствования орудий сельского хозяйства все-таки происходили. Шире использовалось железо. Деревянные зубья у борон заменялись железными. В конце XVIII и начале XIX в. наряду со старинными косами-горбушами стали распространяться более удобные косы-литовки. При косовице хлебов к косе стали приделывать особые грабли и таким образом одновременно косили и гребли. Такой способ косьбы называли кроченьем, а косы с граблями — грабками.

Старообрядцы-семейские, переведенные во второй половине XVIII в. в Забайкалье из западных районов Европейской России, пахали плугом, запрягая в него по четыре лошади. В некоторых местностях применялся сабан, представляющий собой деревянный плуг примитивной конструкции на колесах, с железными режущими частями. Сабан имел плоский металлический лемех и широкий отвал — деревянную доску, укрепленную под углом к лемеху.

В некоторых местах ручная молотьба заменялась молотьягами, состоявшими из листовичного обрубка с вколоченными в него деревянными зубьями. К обрубку прикреплялись оглобли, в которые запрягали лошадь. Неудобство молотьяг заключалось в том, что они молотили нечисто, а лошади мяли солому.

С развитием земледелия связано широкое распространение в первой половине XIX в. хлебозапасных магазинов. По официальным данным 1840 г. по Иркутской губернии, «в каждом мирском обществе есть экономический запасный магазин, откуда выдают крестьянам зерновой хлеб, на посев. . . Теперь во всей губернии считается 564 магазина, в них хлеба 2714670 пудов 30 фунтов».³³ Крестьяне называли хлебные экономические магазины «мангазеями».

Целью экономических магазинов считалось «доставление пособий жителям в случае непредвиденных несчастий». Нуждающимся ежегодно выдавались ссуды на посев с обязательством возврата. Выдачи производились по общественным приговорам с поручительством и не должны были превышать двух третей запасов, имевшихся в экономических магазинах. Выданный хлеб возвращался ежегодно после сбора урожая, и таким образом хлебные запасы обновлялись. Они пополнялись, кроме того, за счет натуральных взносов крестьян. Из хлебных экономических магазинов выдавалась также руга духовенству.

Урожайность хлебов по сибирским губерниям характеризуется значительными колебаниями. Комиссия Министерства государственных имуществ по Западной Сибири приводит следующие данные о среднем урожае за 1830—1840 гг.: озимого — сам-6,5, ярового — сам-4,5. Число неурожайных лет, по ее данным, не превышало двух в десятилетие. По Тобольской губернии за период с 1825 по 1842 г. средний урожай озимого составлял сам-4^{2/3}, ярового — сам-4^{1/3}. Такой урожай можно считать посредственным. Вместе с тем в течение ряда лет средний урожай по губернии равнялся сам-5—6^{1/2}, а по отдельным округам достигал сам-7—10. В Томской губернии средний урожай за период 1825—1840 гг. был равен по озимым сам-5^{2/3}, по яровым — сам-4. Ряд лет урожая были

³³ Там же, оп. 1 (55), д. 67, л. 37.

выше: сам-7, сам-8^{3/4}.³⁴ Приведенные данные об урожайности в Тобольской и Томской губерниях за пятнадцать лет показывают, что в Западной Сибири были в основном средние урожаи.

Урожайность хлебов в Восточной Сибири характеризуется следующими данными. Средний урожай хлебов в Енисейской губернии составлял сам-6, высший — сам-12. В Ачинском и Минусинском округах средний урожай был сам-10, высший — сам-15. Эти округа были наиболее плодородными. В Енисейской губернии, так же как и в других местах Сибири, бывали и неурожайные годы.³⁵

В Иркутской губернии на протяжении первой половины XIX в. происходили колебания урожаев как по губернии в целом, так и по отдельным округам и районам. В 1834 г. урожай был «посредственный»; в 1835 г. по Иркутскому и Нижнеудинскому округам — «изобильный», по Верхнеудинскому — «умеренный». В Нерчинском округе «по недостаточным засевам и естественным причинам хлеб родился весьма худо», за исключением части волостей горного пограничного ведомства.³⁶ В 1836 г. был получен «изобильный урожай» во всей губернии. Даже в Нерчинском округе сбор его был значительно выше, чем в предыдущие годы.³⁷

В 1811 г. в Тобольской губернии, где проживало 525400 человек, урожай хлебов составлял 2 596 868 четвертей. В этом урожайном году за вычетом хлеба, необходимого для продовольствия хлебопашцев и посева, остался «избыток» в 852028 четвертей.³⁸ В 1840 г. посевная площадь в Тобольской губернии составляла 412 182 десятины. В этом году было собрано 2 788 006 четвертей ярового и 553 003 четверти озимого, всех хлебов — 3 341 009.³⁹ Урожай озимого в этом году был сам-5 (50 пудов с десятины), ярового — сам-4 (40 пудов). «В некоторых округах урожай был изобильнее прошлогоднего, в других напротив гораздо скуднее».⁴⁰ По сравнению с 1811 г. в 1840 г. сбор хлебов увеличился на 744 141 четверть.

Больше всего высевалось хлеба в Ялуторовском, Курганском, Ишимском и Омском округах. Эти округа обладали плодородными и удобными землями, благоприятными климатическими условиями и большей плотностью населения.

Северные округа — Тобольский и Туринский — часто не могли обеспечить себя хлебом. Значительная часть населения здесь занималась различными промыслами. С 1825 по 1840 г. процент прироста крестьянского населения равнялся 27, а процент прироста высеваемого хлеба — 12. Увеличение

посевных площадей шло более медленно, чем рост сельского населения.

В Томской губернии, в которую до 1823 г. входили Томский, Каннский, Бийский, Кузнецкий, Красноярский, Нарымский и Туруханский уезды, было посеяно в 1808 г. зерновых 110235 четвертей озимых и 272 138 четвертей яровых; снято озимого 677 113, ярового — 1 438055 четвертей.⁴¹ В 1809 г. посеяно озимого 116640 четвертей, ярового — 283342 четверти; уродилось озимого 682836, ярового — 1543762 четверти. Остаток озимого и ярового хлеба, за вычетом на продовольствие

³⁴ Сведения об урожайности хлебов по Тобольской и Томской губерниям составлены по ведомостям о посеве и урожае хлебов и материалам комиссии Министерства государственных имуществ (ГАОО, ф. Главного управления Западной Сибири, оп. 1, д. 197, лл. 44—45; д. 983, л. 2; д. 723, л. 8; оп. 2, д. 1927, лл. 385—390; д. 646, л. 11).

³⁵ А. П. Степанов. Енисейская губерния, ч. I, стр. 226—237.

³⁶ ЦГИА СССР, ф. Первого Сибирского комитета, оп. 1, д. 146, л. 54.

³⁷ Там же, ф. Второго Сибирского комитета, оп. 1 (55), д. 64, л. 22.

³⁸ ГАОО, ф. Сибирского генерал-губернатора, оп. 2, д. 123, л. 164.

³⁹ Там же, ф. Главного управления Западной Сибири, оп. 2, д. 1955, л. 23.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же, ф. Сибирского генерал-губернатора, оп. 1, д. 123, лл. 7, 8.

земледельцев и посев, составлял 883281 четверть.⁴² По сравнению с 1807 г. сбор хлебов увеличился на 111 430 четвертей.

С 1840 по 1860 г. посев хлебов в Томской губернии (в 1823 г. ее территория уменьшилась в связи с созданием Енисейской губернии) увеличился с 386 242 четвертей до 802 782, т. е. за 20 лет вырос более чем в два раза. Урожай 1861 г. составлял 3 154727 четвертей яровых и озимых хлебов и 255 689 четвертей картофеля.⁴³

Житницей Восточной Сибири называли Енисейскую губернию, которая состояла из Красноярского, Енисейского, Ачинского, Минусинского и Капского округов. По данным губернатора Степанова (1835 г.), в Енисейской губернии «по 6-летней сложности было посеяно 337 265 четвертей и собрано 2108284 четверти разных хлебов».⁴⁴ В 1858 г. в Енисейской губернии было собрано (в четвертях): яровых хлебов—1398422, озимых —309 161, картофеля— 142290, льна —34060, конопли — 89692, свекловицы — 27 175, табаку — 40.⁴⁵

В Иркутской губернии сложилось устойчивое земледельческое хозяйство. Южные уезды не только удовлетворяли свои потребности в хлебе, но и снабжали им Якутскую и Охотскую области. На первом месте по земледелию стоял Иркутский уезд. Из него вывозился хлеб в соседние уезды и северные области. Второе место занимал Верхнеудинский уезд, доставлявший хлеб в Нерчинский округ и для кяхтинского пограничного торга. За Верхнеудинским по степени распространения хлебопашества следовали Нерчинский, Нижнеудинский и Киренский уезды. О развитии земледелия в Иркутской губернии свидетельствует и то, что за 50 лет (1801—1851 гг.) посев увеличился почти в три раза. Соответственно в три с лишним раза вырос сбор хлебов. В 1851 г. он составлял 1 146617 четвертей.⁴⁶

Как видно из изложенного, во многих районах Сибири производился избыточный хлеб. Как шел сбыт этого хлеба и кто был его потребителем в

конце XVIII—первой половине XIX в.?

Тобольской губернии хлеб закупался в казну для запасных магазинов Северного края, снабжения воинских частей и винокуренных заводов. В 40-х годах XIX в. для жителей Тобольского Севера ежегодно сплавлялось на судах до 60 тыс. пудов казенного хлеба и до 40 тыс. пудов от частных поставщиков.⁴⁷ Хлеб доставлялся также на почтовые станции и для жителей городов, его продавали в Казахскую степь. В 1850—1852 гг. через Петропавловскую и Семипалатинскую таможи было отпущено из Тобольской губернии 570 тыс. пудов хлеба.⁴⁸ Закупали в Западной Сибири хлеб и для Уральских заводов; иногда из Курганского округа хлеб отправляли в Оренбургскую губернию. По вычислению Ю. А. Гагемейстера, «количество хлеба, обращающегося ежегодно в торговле по Тобольской Губернии», доходило до 700 тыс. четвертей.

Цены на хлеб колебались в зависимости от урожая, места и времени продажи. Например, в 1840 г. цена ржаной муки в Тобольской губернии колебалась от 19 до 28 коп. за пуд; пшеничной — от 31 до 45 коп. за пуд. Сбыт хлеба возрастал, но емкость сибирского рынка была все же ограниченной. Характерно в этом отношении следующее замечание Ю. А. Гагемейстера: «Нет сомнения, что земледельцы Тобольской Губернии

⁴² Там же, лл. 26, 27.

⁴³ Там же, оп. 3, д. 4953, л. 271.

⁴⁴ А. П. Степанов. Енисейская губерния, ч. I, стр. 225.

⁴⁵ ГАИО, ф. Главного управления Восточной Сибири, оп. 9, карт. 1735, Д. 45, лл. 17, 154.

⁴⁶ ЦГИА СССР, ф. Второго Сибирского комитета, оп. 1, д. 154, лл. 46, 47.

⁴⁷ ГАОО, ф. Главного управления Западной Сибири, оп. 2, д. 204, л. 234.

⁴⁸ Ю. А. Гагемейстер. Статистическое обозрение Сибири, ч. II. СПб., 1854, стр. 323.

могли бы производить гораздо более хлеба и что усилению хлебопашества препятствует недостаток сбыта».

Хлеб, закупленный у крестьян Томской губернии, торговцы отправляли сухим путем на Иртышскую пограничную линию и во «внешние Киргизские округа», водным путем — в Нарым и северные места Тобольской губернии. Значительное по местным условиям количество хлеба закупалось для трех винокуренных заводов и для золотых приисков. В 1848—1851 гг. военным ведомством было закуплено 52089 пудов муки, 3124 пуда круп, 31 932 пуда овса. В Киргизскую степь вывозилось до 230 тыс. пудов разного хлеба. Для снабжения рабочих Алтайских горных заводов ежегодно приобреталось около 800 тыс. пудов хлеба. Хлебом снабжали скотоводов Горного Алтая и жителей городов. До 80 тыс. пудов муки и круп и столько же овса требовалось для золотых приисков Томского округа.⁴⁹ На продажу поступало до 70 тыс. пудов льна и пеньки. Ее покупали для канатных заводов и для изготовления рыболовных снастей.

Хлебом Енисейской губернии снабжались сельские и городские жители, переселенцы, охотники, оленеводы и рыболовы Крайнего Севера, ямщики, винокуренные заводы, золотые прииски. Когда в Забайкалье был неурожай, хлеб туда доставляли из Енисейской губернии. Избыточный хлеб Иркутской губернии поступал в селения и города этой же территории. Значительная часть

хлеба поставлялась также весною по Лене в Олекминск, Верхоянск, Якутск, Охотск, Нижнекамчатск и в русские поселения на Аляске. С 1815 по 1822 г. только по казенным закупкам было заготовлено провианта на 10074097 руб., в том числе муки ржаной и пшеничной — 4592190 пудов и крупы—171953 пуда.⁵⁰ Закупки производились для воинских команд, для винокуренных и солеваренных заводов, Охотского и Камчатского приморских управлений, казенных запасных магазинов, Тельминской суконной фабрики, Петровского железоделательного завода, для «заведений приказа общественного призрения» (больниц, богаделен, приютов). Значительное количество хлеба требовалось для заводского населения Нерчинского горного округа.

Отдельные очаги хлебопашества развиваются на северо-восточных окраинах Сибири. Здесь русские крестьяне селились в пяти обширных районах: бассейне Средней Лены, бассейне Вилюя, на побережье Ледовитого океана, на Охотском побережье и Камчатском полуострове. В силу отдаленности и суровости природно-климатических условий численность русского населения оставалась здесь незначительной, хотя и происходил некоторый рост крестьянского населения.

К 1850 г. число станков Иркутско-Якутского тракта по берегам Средней Лены, от Витима до Якутска доходит до 53. Разрастаются Олекминская и Амгинская деревни. Выходцы из ближних деревень и станций создают на пустошах ряд выселок. В районе Амгинской слободы появляются две новые деревни. В итоге в бассейне Средней Лены в середине XIX в. русских крестьянских деревень насчитывалось более 60 с населением около 5 тыс. человек.

В течение первой половины XIX в. земледелие постепенно становится развитой отраслью хозяйства крестьян бассейна Средней Лены. Если в Витимской, Пеледуйской, Олекминской, Амгинской деревнях и в Амгинской слободе земледелие утвердилось еще в XVII—XVIII вв., то с 1810 г. посевами занялись крестьяне станков Витимской волости, а с начала 40-х годов — крестьяне всех ленских станков. Здесь культивировали ячмень и яровую рожь. В незначительных размерах в некоторых местах сеяли озимую рожь, пшеницу и овес. Коноплю и лен в наибольшем коли-

⁴⁹ Там же, стр. 323, 324, 327, 328.

⁵⁰ ЦГИА СССР, ф. Второго Сибирского комитета, оп. 1, д. 67, лл. 22—41.

честве выращивали в Витимской волости. Здесь же имели место неудачные опыты выращивания кукурузы и табака. Культура картофеля на Средней Лене распространилась с начала XIX в. и постепенно получила признание всех земледельцев. Одновременно крестьяне начали выращивать все основные виды овощей.

Урожаи были неустойчивы, так как засуха случалась иногда два-три года подряд. Обычный средний урожай составлял сам-3—6. В годы удовлетворительных урожаев крестьяне получали хлеба достаточно для личных потребностей; в годы хороших урожаев — со значительным излишком. Избыток продавали, но местный хлебный рынок был незначительным. В этом районе господствовало двухполье. Пар использовали однократно. Известен был и перелог. Навозное удобрение практиковалось не везде. Орудия обработки земли были примитивными: господствовали сохи с двумя сошниками, серпы, бороны. Земледелие русских крестьян постепенно усваивалось и якутами. В

первой четверти XIX в. хлебопашеством занимались почти все якуты Олекминского округа; к середине века — многие якуты улусов центральной Якутии.⁵¹

На берегах Вилюя поселилось около 200 крестьян. Большая часть их жила рассеянно, в разных улусах, среди якутов, вступая в смешанные браки. Занимались эти крестьяне скотоводством и рыболовством. В 1848 г. администрация для удобства сбора податей и развития хлебопашества собрала значительную часть вилюйских русских крестьян в одно место и в районе урочища Нюрба, на левом берегу Среднего Вилюя, образовала две деревни: Аммосовскую и Александровскую. Другая часть вилюйских крестьян образовала деревню Сунтар на том же левом берегу Вилюя, но значительно выше Нюрбы. В середине XIX в. в этих деревнях проживало около 350 крестьян. Регулярные посевы хлеба начинаются здесь с конца 40-х годов XIX в. На побережье Ледовитого океана русские крестьяне селились в устьях рек Анабары, Оленька, Яны, Индигирки и Колымы. В середине XIX в. на этих местах было около 30 населенных пунктов, в которых жило более 600 крестьян и мещан.

На Охотском побережье русские крестьяне жили в двух районах: в Удском остроге и в окрестностях Охотска. Численность их сокращалась (в начале XIX в. — около 500 человек, в середине XIX в. — около 250 чел.). Все они были потомками переведенцев XVIII в.

Делались настойчивые попытки внедрения хлебопашества и на Камчатке. В первом десятилетии XIX в. в различных местах посевы производили солдаты Камчатского полка, переведенные в военных поселян; во втором десятилетии — добровольные поселенцы из военнослужащих расформированного полка; в четвертом десятилетии — акционеры Камчатской земледельческой компании и чиновник из местных уроженцев Ефим Лазарев, окончивший Московскую сельскохозяйственную школу; и, наконец, в пятом десятилетии — прусский агроном Кегель, направленный специально из Петербурга. Но ни одна из этих попыток не дала положительных результатов: хлеб часто погибал на корню от заморозков. В таких условиях и русские крестьяне по-прежнему продолжали заниматься главным образом рыболовством и охотой. Хлебопашество утвердилось только в двух деревнях — Ключевской и Милькове.⁵²

Но огородничество на Камчатке было освоено. К середине XIX в. огороды имелись во всех русских селениях, почти у каждого хозяина. Успешно выращивались картофель, репа, брюква, морковь, редька, свекла, капуста, огурцы, лук, причем картофель и овощи с успехом стали выра-

⁵¹ Ф. Г. Сафронов. Русские крестьяне в Якутии (XVII—начало XX в.). Якутск, 1961, стр. 285—297, 311—315.

⁵² Ф. Г. Сафронов. Охотско-Камчатский край, стр. 81—94.

щивать камчадалы и курилы. Численность русских крестьян на Камчатке была незначительной: в 20-х годах — около 400 человек, в 1850г. — около 750 человек. Жили они маленькими поселениями по берегам рек Камчатки и Большой.

При всей неравномерности развития земледелия в Сибири по отдельным районам в целом оно на протяжении конца XVIII—первой половины XIX в. сделало заметные успехи. В 1818 г. в Сибири было собрано около 5 млн

четвертей хлеба, а в середине XIX в. — уже около 11 млн.⁵³ Производство хлеба, таким образом, увеличилось более чем вдвое. Этот рост определялся расширением посевных площадей крестьянами-старожилами, новоселами-переселенцами и распространением хлебопашества среди народов Сибири, а не общей интенсификацией сельского хозяйства, техника и система ведения которого оставались рутинными.

В зависимости от преобладания той или иной отрасли крестьянские хозяйства Сибири могут быть разделены на земледельческие, земледельческо-скотоводческие, скотоводческо-земледельческие, скотоводческие и промыслово-оленоводческие. В каждом из этих типов хозяйств существовало животноводство. В Сибири разводили лошадей, крупный рогатый скот, овец, коз, свиней, оленей, верблюдов.

По данным Комиссии Министерства государственных имуществ, в Западной Сибири числилось в 1841 г. 702 499 лошадей, 594 975 голов крупного рогатого скота, 952362 головы мелкого скота, 173 верблюда, 156281 олень.⁵⁴

В Восточной Сибири, по официальным сведениям за 1858 г., насчитывалось 835822 лошади, 1112930 голов крупного рогатого скота, 1450029 простых овец, 1841 тонкорунная овца, 122103 козы, 2545 верблюдов, 109 557 оленей. По Якутской области указано еще 10 975 ездовых собак.⁵⁵

Спрос на скот и продукцию скотоводства возрастал. Лошади были необходимы не только для земледельцев и ямщиков, но также для работ на Алтайских и Нерчинских рудниках и заводах, на золотых приисках. В 1852 г. на золотых промыслах находилось до 15 тыс. лошадей. На перевозку грузов по Московско-Сибирскому тракту требовалось до 50 тыс. лошадей. Продукция скотоводства была нужна городскому, приисковому и заводскому населению, кожевенным и салотопенным заводам, суконным мануфактурам.

С конца XVIII в. в горной части Алтая распространяется мараловодство. Первые маральники были устроены так называемыми «бухтарминскими каменщиками» — беглыми крестьянами и мастерами Алтайских заводов, добившимися прав «ясашных инородцев». Продажа маральих рогов-пантов являлась прибыльным делом: за лучшие рога «с гнездами» платили стоимость четырех лошадей. Разведение маралов в XIX в. распространяется из Алтая в горные районы Восточной, Сибири.

Новой отраслью хозяйства для Сибири явилось пчеловодство. Первый малоудачный опыт был произведен в 1776—1777 гг. в Усть-Каменогорской крепости. Удачнее были опыты, производившиеся в 80—90-х годах XVIII в. в окрестностях Усть-Каменогорска. В 1810 г. географ Е. Зябловский писал: «Назад тому лет двадцать разведены здесь пчелы, и с на-

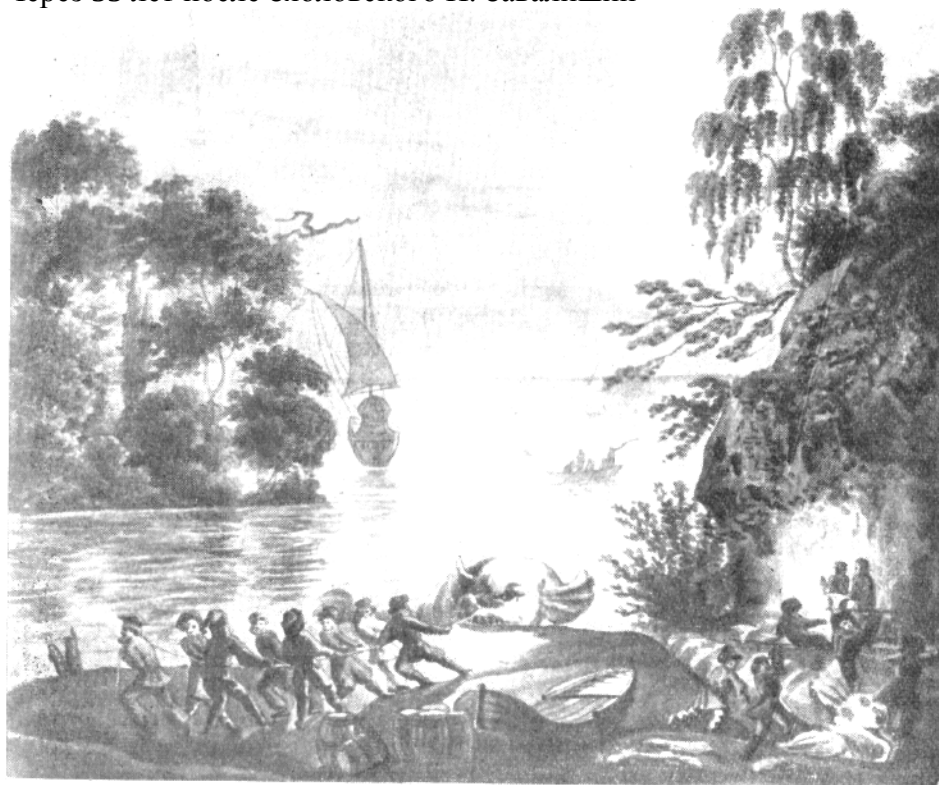
⁵³ Сведения о сборе хлебов составлены по ведомостям и отчетам по губерниям (ЦГИА СССР, ф. Второго Сибирского комитета).

⁵⁴ ЦГИА СССР, ф. Совета министра, оп. 11, д. 151, л. 182; оп. 4, д. 109, л. 154.

⁵⁵ ГАИО, ф. Главного управления Восточной Сибири, оп. 9, карт. 1735, д. 41, 45, 50; карт. 1736, д. 75.

чала около Усть-Каменогорской крепости, а отсюда разплодились оныя до города Томска. Ныне пчеловодство составляет примечательную отрасль промышленности народной. Некоторые из крестьян содержат многие сотни

ульев».⁵⁶ Распространению пчеловодства способствовали знакомые с ним переселенцы из западных губерний России и Царства Польского. Пчеловодство особенно распространилось в Бийском и Кузнецком округах Томской губернии. Через 55 лет после Зябловского И. Завалишин

Дов китов в Охотском море. С акварели худ. Е. М. Корнеева.

отмечал, что в этой губернии «год от году усиливаются три совершенно неизвестных Тобольской губернии статьи доходу: мед с воском, табак и хмель. Пчеловодство в последние десять лет чрезвычайно усилилось, теперь считается уже до 400 тыс. ульев».⁵⁷ По вычислению Завалишина, ежегодный сбор меда составлял до 200 тыс. пудов и воска — до 32 тыс. пудов. Кроме Бийского и Кузнецкого, пчеловодство распространялось в Колыванском, Барнаульском округах и в южной полосе Томского округа.

Пчеловодство проникало и в Енисейскую губернию. В 1858 г. здесь с 9713 ульев было собрано 2384 пуда меда и 248 пудов воска.⁵⁸ В Предбайкалье и Забайкалье в первой половине XIX в. делались только попытки пчеловодства, не давшие еще заметных результатов.

⁵⁶ Е. Зябловский. Землеописание Российской империи для всех состояний, ч. V. СПб., 1810, стр. 21.

⁵⁷ И. Завалишин. Описание Западной Сибири, т. 2. М., 1865, стр. 33.

⁵⁸ ГАИО, ф. Главного управления Восточной Сибири, оп. 9, карт. 1735, д. 49.

Как и в предыдущем периоде, широко были распространены в крестьянском хозяйстве домашние промыслы, составляющие «необходимую принадлежность натурального хозяйства, остатки которого почти всегда сохраняются там, где есть мелкое крестьянство».⁵⁹

Крестьяне своими силами и средствами изготавливали сохи, бороны, колеса, телеги, сани, грабли, вилы, мебель, деревянную посуду, выделывали брусня, оселки, точила, жерновой камень (для мельниц), плели конопляные изделия (веревки, канаты, нитки). Из конопли после ее предварительной обработки ткали домашний холст, из которого шили холщовые рубахи, штаны, женскую одежду, делали портянки, мешки. Из шерсти изготавливали сукманину (грубошерстное сукно), кушаки, варежки, чулки, колпаки, валенки, войлоки, половики. Выделывались кожи и кожевенные изделия: чирки, ичиги (вид обуви), рукавицы, конская упряжь. Шили тулупы, дохи. Из конского волоса изготавливали веревки, вожжи, сита, тюфяки. Из бересты делали туески, лукошки, которые использовались при посеве хлеба. Крестьяне «гнали» смолу и деготь, умели делать сальные свечи.

Рост потребностей в древесных изделиях способствовал развитию издавна характерного для Сибири лесного промысла (заготовка дров и строевого леса, дранье лубков и лыка, жжение угля). Крестьяне доставляли в города бревна, тес и дрова.

Продолжалась добыча ценной пушнины. Крестьяне охотились на белку, соболя, горностая, речных бобров, выдру, рысь, росомаху, колонка, хорька, барсука, песца, лисицу, зайца, медведя, волка, тарбагана, оленя, лося, кабаргу, изюбра. Вдоль сибирских берегов Тихого океана, особенно в его северо-восточной части, добывали морских промысловых животных — моржей, китов, бобров и котиков. Основными орудиями охоты служили ружья (винтовки), капканы, глубокие ямы, закрытые сверху хворостом, петли и луки со стрелами (самострелы), плашки или ловушки.

По всей Сибири был распространен рыболовный промысел. По сведениям 1834 г., в низовьях Оби вылавливали 10 тыс. осетров, 2 тыс. стерлядей, 25 тыс. нельмы, 800 тыс. муксунов, 500 тыс. сырков, 300 тыс. язей, 700 тыс. шекура, 600 тыс. подъязков, 20 тыс. пудов щук.⁶⁰ С низовьев Енисея вывозилось в начале 50-х годов ежегодно до 50 тыс. пудов рыбы.⁶¹ В Енисее и его притоках ловили осетров, стерлядей, тайменей, налимов, чиров, муксунов, семгу, щук и омулей. Значительное распространение получил рыбный промысел на Байкале и впадающих в него реках. В 1840 г. в этих местах было добыто 295 тыс. пудов рыбы на 20 295 руб. серебром.⁶² Преобладала добыча омуля, доходившая в некоторые годы до 7 млн. штук и более.⁶³ Ловили также хайрюзов, осетров, ельцов, тайменей, сигов, ланков и другую рыбу. Промысловый лов рыбы велся на всем протяжении Иртыша и Оби и в озерах Западной Сибири. Большое количество ее давала казачья «бухтарминская рыбалка» на озере Зайсан.

Орудиями лова служили неводы, сети, вители, саки. Эти рыболовные снасти вязали из крепких конопляных ниток (мотауза), а сети, кроме того, из конского волоса. Большие неводы закидывали иногда версты на две от берега и притягивали воротом.

Лучшие рыболовные места привлекали внимание крупных рыбопромышленников из купцов. Они выступали одновременно в роли скупщиков рыбы и предпринимателей. Рыбопромышленники нанимали работников из ссыль-

⁵⁹ В. И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 3, стр. 328.

⁶⁰ Ю. А. Гагемейстер. Статистическое обозрение Сибири, ч. II, стр. 211.

⁶¹ Там же, стр. 218.

⁶² ЦГИА СССР ф. Второго Сибирского комитета, оп. 1, д. 67, л. 30.

но-поселенцев, мещан и крестьян. Эксплуатация наемного труда давала возможность применять крупные неводы и ворота, в большом количестве добывать рыбу, очищать и солить ее, укладывать в бочки и вывозить на продажу. Одновременно, пользуясь нуждой рыболовов, их удаленностью от рынков сбыта, рыбопромышленники за бесценок скупали у них рыбу и закабалили путем ростовщичества.

Среди крестьян, живших по трактовым дорогам, был распространен извоз. «Самые обширные селения в Сибири расположены по большой московской дороге, по которой извозом и сбытом припасов зарабатывается ежегодно несколько миллионов рублей».⁶⁴ В «Обзрении государственных имуществ» (1840 г.) сообщалось, что «селения, лежащие по Московскому тракту, получают от извоза большие выгоды». Но делились доходы неравномерно: большую часть получали хозяева-извозопромышленники, меньшая часть доставалась возчикам. То же «Обзрение» констатирует, что «извоз в руках немногих, прочие забирают у них деньги вперед, не пользуются такими выгодами, как хозяева». Хозяева извоза закабалили возчиков путем задатков и ростовщического кредитования.

Людей, занимавшихся исключительно извозом, было сравнительно немного; но многие крестьяне занимались им в качестве подсобного промысла в свободное от сельскохозяйственных занятий время. Главный извоз производился зимою, поэтому крестьяне-возчики участвовали в нем, не отвлекаясь от земледельческих занятий.

Деление сибирского крестьянства на три основные категории — государственных, приписных и экономических (бывших монастырских) — переходит и в XIX столетие, хотя экономические крестьяне, сохранив прежнее сословное название, почти ничем не отличались от государственных. Состав же государственных крестьян продолжал пополняться. В него постепенно вливались экономические крестьяне, ямщики, вольные переселенцы из Европейской России, поселщики из отставных солдат и помещичьих крестьян, отправленных на поселение в счет рекрутов. К этому разряду приписывались крестьяне «из иноверцев», перешедших на оседлость и принявших православие. Они занимали одинаковое с государственными крестьянами социально-правовое положение, но освобождались от рекрутской повинности. Наконец, в сословие государственных крестьян зачислялись ссыльные, отбывшие срок, и их дети.

Повинности государственных крестьян Сибири были многочисленны и разнообразны: подушная и оброчная подати, сборы на земские (уездные) и губернские повинности, руга (натуральный сбор в пользу духовенства), отчисления в хлебные экономические магазины, разнообразные «темные поборы», отработочные повинности (поправка дорог, обывательская гоньба, перевозка казенных грузов). Кроме того, из крестьян набирали рекрутов, уходивших на 25 лет в армию, церковных трапезников, сотских и десятских в волостных и сельских управлениях.

Подати и сборы с государственных крестьян делились на государственные, земские и мирские. Государственные денежные сборы составляли подушная и оброчная подати. Денежный земский сбор предназначался на содержание почтовых станций, устройство и поправку трактовых дорог, мостов, гатей и

перевозок, на жалованье письмоводителям и рекрутским старостам, на содержание уездной полиции, воинских и этапных помещений, «присутственных мест», учебных заведений, казенных зданий, тюрем.

⁶⁴ Ю. А. Гагемейстер. Статистическое обозрение Сибири, ч. II, стр. 375

Мирские сборы шли на исправление проселочных дорог, содержание перевозов, хлебных экономических магазинов, волостных и сельских управлений. Официально все сборы с одной души не превышали 15 руб. ассигнациями, но фактически они увеличивались. В 1840 г. сборы достигали 30 руб. ассигнациями с души.⁶⁵ Поборы с крестьян возрастали в результате взяток и вымогательств со стороны чиновников, злоупотреблений волостных голов и сельских старшин. О тяжести сборов с крестьян свидетельствует рост недоимок. К 1839 г. только в Восточной Сибири сумма недоимок по всем платежам достигала 1 544 347 руб.⁶⁶

Государственные подати уплачивались исключительно деньгами. Земские и мирские повинности стали в значительной степени заменяться денежными сборами. Сельская община заключала контракт с держателями лошадей на почтовых станциях, нанимавшими ямщиков. Сумма, уплачиваемая по контрактам, раскладывалась среди крестьян по разрядам. Денежными сборами частично или полностью заменяли и дорожную повинность. По найму производилось устройство и ремонт мостов, гатей, надолбов, содержание перевозов через реки. Наем имел место не только при общественных сборах. Зажиточные крестьяне самостоятельно нанимали работников для выполнения своей доли повинностей. Перевод натуральных повинностей в денежные способствовал в свою очередь дальнейшему развитию в деревне товарно-денежных отношений.

В Сибири не получило распространения крепостное право в тех масштабах и формах, какие существовали в европейской части страны. Сибирские крестьяне в основной своей массе не знали помещиков, их вмешательства во внутреннюю хозяйственную и личную жизнь крестьянства вплоть до продажи крепостных. В. И. Ленин, отмечая отсутствие помещичьего землевладения в Сибири и попытки его насаждения здесь даже в первые годы XX в., писал: «Как ни быстро растет народная нужда в Сибири, все же тамошний крестьянин несравненно самостоятельнее „русского“ и к работе из-под палки мало приучен».⁶⁷

По данным X ревизии, во всей Сибири числилось всего 36 помещиков, владевших населенными имениями, и 70 беспоместных дворян, имевших только дворовых. Всего в Сибири насчитывалось 3700 крепостных мужского пола. В Восточной Сибири было 2 помещика с имениями, 9 беспоместных дворян и 297 крепостных людей, в том числе 146 дворовых.⁶⁸ В 30—40-х годах XIX в. не раз поднимался вопрос о насаждении в Сибири частной земельной собственности типа помещичьего землевладения, с переселением туда крепостных крестьян, хотя в Положении, принятом Кабинетом министров 12 августа 1830 г. и утвержденном царем, было «решительно воспрещено селить в Сибирь людей крепостного состояния».⁶⁹ В 1839 г. министром внутренних дел было выдвинуто предложение «об отводе участков земли чиновникам в награду за службу в Сибирских губерниях». В том же году министр государственных имуществ испрашивал разрешение на съемку земель для поселения в Сибири

владельческих крестьян на условном положении в виде обязанных, а также отвода земель частным лицам для хозяйственного заведения. Первое предложение было отвергнуто. На представлении министра Николай I наложил резолюцию: «Ни в коем случае поселение помещичьих крестьян допущено быть не может».⁷⁰

⁶⁵ ЦГИА СССР, ф. Второго Сибирского комитета, оп. 1, д. 67, л. 33.

⁶⁶ Там же, ф. Совета министра, оп. 4, д. 96, л. 77.

⁶⁷ В. И. Л е н и н, Поли. собр. соч., т. 5, стр. 89.

⁶⁸ К. П. М и х а й л о в. Крепостничество в Сибири. (Страницы из истории инородческой и крестьянской неволи). «Сибирский сборник», кн. I, СПб., 1886, стр. 130.

⁶⁹ ЦГИА СССР, ф. Второго Сибирского комитета, оп. 1, д. 1, л. 1.

⁷⁰ Там же, л. 186.

В 1843 г. в Министерстве финансов рассматривался проект отставного горного чиновника Порецкого «О колонизации обязанных крестьян в Сибирь для улучшения сельского хозяйства и золотопромышленности». Этот проект был отвергнут, а министерству указали, что «переселение крестьян в Сибирь под наименованием обязанных не соответствует видам правительства».⁷¹

Даже в последнее десятилетие существования крепостного права делались попытки насадить в Сибири помещичье землевладение и «высшее дворянское сословие». Такой проект был выдвинут генерал-адъютантом Анненковым, ревизовавшим Сибирь в 1852 г. Предполагалось «начать водворять там дворянство с предоставлением ему прав собственности на земли и по возможности облегчить переход туда крестьян из губерний внутренних».⁷² Но и этот проект не осуществился.

В 1852—1853 гг. вопрос о распространении помещичьего землевладения в Сибири подробно обсуждался в Сибирском комитете, который пришел к заключению, что о переселении помещичьих крестьян в этот край «не может быть рассуждения».

Почему правительство феодально-крепостнической монархии, всячески поощрявшее и укреплявшее помещичье землевладение во внутренних губерниях России, не распространяло его в Сибири? Царское правительство опасалось, что насаждение помещичьего землевладения и крепостного состояния в Сибири встретит резкое сопротивление со стороны крестьян, приведет к народным волнениям. Между тем на окраинах царское правительство не располагало такими военными и полицейскими силами, как в центральных губерниях. Сибирь была \ еще мало и редко населенным краем по сравнению с центральными губерниями Европейской России. Перевод на сибирские земли крепостных крестьян, устройство здесь новых поместий, освоение владельческих земель требовали крупных материальных затрат, не выгодных для помещиков и казны. Помещики стремились к прибыльной продаже хлеба и другой продукции сельского хозяйства на внутреннем и внешнем рынках. Между тем Сибирь была далеко от внешних рынков, а внутренний сибирский рынок был ограничен.

Наконец, проекты распространения помещичьего землевладения в Сибири выдвигались преимущественно в тот период, когда совершался процесс разложения крепостнического строя, обреченного на уничтожение всем ходом

экономического развития и классовой борьбы.

Сибирская сельская община существовала в условиях феодальной зависимости крестьян от государства, а не от помещиков, и при наличии резерва свободных земель. Эти два обстоятельства определили ее особенности. В Сибири не было обязательных и «уравнительных» переделов земель, принудительных севооборотов. Общинные порядки выражались здесь в существовании общих выгонов для скота, устройстве общинных покотин, в ежегодных переделах покосных угодий по паям, в нераздельном пользовании лесами и пастбищами. В общине существовала круговая порука при выполнении податей и повинностей, использовавшаяся феодальным государством при взыскании казенных сборов.

Что же касается пашни, то к ней обычно крестьянин относился как к собственной земле: «наименьшая часть селений владеет по наделу, а большую часть всякий пашет где вздумается... Потому и между односельцами не бывает повременного раздела земли, и всякий смотрит на распаханый им участок как на свою собственность».⁷³

⁷¹ Там же, л. 187.

⁷² Там же, л. 26.

⁷³ Ю. А. Гагемейстер. Статистическое обозрение Сибири, ч. II, стр. 31/, 330, 331.

В Сибири преобладала захватная форма землепользования. Крестьянин пользовался участком, который был занят им или его предками, передавал эту землю по наследству. Он мог продать ее или отдать в аренду. Что касается покосных угодий, то они подлежали периодическим переделам. Избыток земли не исключал все же земельных споров. «Не смотря на избыток, споры о земле не редкость, потому что всякий дорожит разчищенною землею и неохотно принимается за новую».⁷⁴

Сенокосные дачи, отведенные в пользование сельским общинам и подлежавшие ежегодному переделу между крестьянскими хозяйствами, разделяли на десятины, принимая во внимание не только покосную площадь, но и качество травы. Поэтому десятины были неравными. Затем их делили на мелкие части по количеству душ. Часть покосов выделялась для писаря и волостного головы.

Отсутствие помещичьего землевладения, наличие свободных земель, захватная форма землепользования — все это способствовало развитию процесса социального расслоения крестьянства.

Расширением рыночных связей воспользовалась прежде всего зажиточная верхушка деревни и улусов. Одним из показателей расслоения сибирского крестьянства было разделение в 1819 г. сельских и улусных жителей при раскладке податей и повинностей «на классы по состоянию на четыре разряда». По состоятельности крестьяне разделялись на «самых богатых», «достаточных», «посредственных» и «совершенно неимущих». К первому разряду, или «классу», причислялись «самые богатые, которые имеют превосходное изобилие в скотоводстве и хлебопашестве» и сверх того занимаются извозом и другими промыслами. Ко второму классу относились достаточные, которые имеют «умеренное скотоводство и хлебопашество и не имеют ни в чем недостатка». К третьему классу принадлежали те, «которые имеют только

небольшое количество пашни, сенокосов, скота, необходимого для обрабатывания оных и для домашнего обихода». Наконец, к четвертому классу причисляли «совершенно неимущих», у которых «не было никакого состояния».⁷⁵

Крестьяне первого класса составляли меньшинство сельского населения. Большинство принадлежало ко второму и третьему «классам». За ними по количеству следовал четвертый класс.

По существу «самые богатые» представляли собою зарождавшуюся сельскую буржуазию, известную под названием «мироедов»-кулаков. Эксплуатируя наемный труд ссыльно-поселенцев и деревенской бедноты, кулаки получали доходы от продажи хлеба, скота, кож, масла, сена, содержали извоз при найме ямщиков, скупали и перепродавали хлеб и пушнину, занимались торговлей привозными товарами и ростовщичеством. «Достаточные» и «посредственные» являлись зажиточными и средними крестьянами. «Совершенно неимущие» — беднота и батраки. Они нанимались к богатым крестьянам, купцам, извозопромышленникам, работали по речному сплаву, на судах и рыбалках, на золотых приисках и частных заводах.

Феодальное государство считало земли, находившиеся в пользовании казенных крестьян, своей собственностью и средством, которое обеспечивало выполнение земледельцами податей и повинностей. Правительственные указы запрещали продавать и закладывать земли из наделов казенных крестьян. На основании межевой инструкции и указа 31 января 1783 г. крестьяне, не имевшие возможности обрабатывать землю, обязаны были «обратить ее в распоряжение мирских обществ». Указ Сената от 19 декабря 1822 г. предписывал «иметь наблюдение, чтобы на землях поселян, данных им во владение, земель в заклад никому не отдавали».

⁷⁴ Там же, стр. 341.

⁷⁵ См.: Ф. А. Кудрявцев. История бурят-монгольского народа (от XVII в. до 60-х годов XIX в.). М.—Л., 1940, стр. 168, 169.

Фактически эти запретительные указы нарушались. Комиссия Министерства государственных имуществ констатировала (1840 г.), что «каждый крестьянин считает пашню своей собственностью и продает ее другому. Пользуясь этим, богатые крестьяне скупают разработанные земли, так что у них есть до 300 десятин обработанной земли».⁷⁶ Об этом же писал краевед Н. Щукин: «у него (крестьянина, — Авт.) есть наследственная земля, доставшаяся его дедам по праву первоначального завладения. Он продает ее, закладывает, дарит, и никто ему не препятствует. У него нет ни актов, ни крепостей, ни права владения, но все знают, что земля принадлежит такому-то или такому-то».⁷⁷

В распределении пахотных угодий внутри сельских обществ наблюдались контрасты. Среднее крестьянское хозяйство могло силами своей семьи обработать от 3 до 20 десятин. Но многие крестьяне обрабатывали 1—2 десятины или вовсе не имели земли. Наконец, в сибирских деревнях были хозяйства, имевшие от 50 до 300 и более десятин и до 1000 голов крупного и мелкого скота. Эти хозяйства применяли наемный труд.

Прибегая к эксплуатации наемного труда, богатые крестьяне занимали пустоши по праву «захвата» или «захватно-родового владения», расчищали земельные угодья из-под леса, скупали и арендовали пахотную землю. Необработанные

земли в Сибири не являлись предметом купли-продажи.

Богатые мужики добивались отвода им сконцентрированных в одном месте и лучших по качеству покосных угодий. Они применяли подкуп, использовали экономическую зависимость своих должников, спаивали, запугивали, обманывали крестьян. Зажиточные получали также за определенную плату покосные угодья из казенных оброчных статей, скупали покосные пай у неимущих крестьян, покупали свободные участки, использовали «пустопорожние» земли.

Острая нужда в деньгах создавала почву для распространения ростовщической эксплуатации. О распространении ростовщичества свидетельствовали многочисленные жалобы, поданные крестьянами во время Сибирской ревизии 1819—1820 гг. В XIX в. сохраняются кабальные отработки. Богатые крестьяне, купцы, нанимая работников по устному договору и давая им денежные задатки, «оставляли их по несколько лет у себя в неоплатных долгах и в бессрочной работе».⁷⁶ По-прежнему существовала отдача бедняками своих детей «в залог», т. е. для отработки долга.⁷⁹

При денежных ссудах существовали высокие ростовщические проценты, кроме того, взыскания часто производились до срока. Через уездное и волостное начальство ростовщики силою забирали за долги крестьянское имущество. Чиновники и полицейские, по некоторым показаниям заимодавцев, «властью своею исторгали взыскания, без всякой пощады, невзирая на ограничения, самим законом положенные».⁸⁰ Представители местных властей сами выступали в роли ростовщиков.

Ростовщичество разоряло земледельцев, скотоводов и охотников, вызывало жалобы, протесты, отказы уплачивать непомерные проценты. Разорившиеся должники не могли выплачивать подати и отбывать повинности. Все это побудило правительство издать в 1822 г. «Положение о разборе исков по обязательствам, заключенным в Сибирских губерниях обывателями разных сословий». В «Положении» различалось три вида долговых исков: по найму в работу, по денежным и натуральным займам, по отдаче

⁷⁶ ЦГИА СССР, ф. Второго Сибирского комитета, оп. 1, д. 67, л. 21.

⁷⁷ Н. С. Щукин. Быт крестьянина Восточной Сибири. ЖМВД, 1859, ч февраль, кн. 2, стр. 29.

⁷⁸ Обзорение главных оснований местного управления в Сибири. СПб, 1841, стр. 58.

⁷⁹ Там же, стр. 59.

⁸⁰ Там же, стр. 60.

в оброчное содержание разных промыслов. Это была попытка регламентировать условия кредита и найма. Наем должен был производиться на срок не более года. Запрещалось заключать условия найма в работу за других: родителям за сына, дяде за племянника. Доходы кредитора подлежали ограничению до 6 процентов. Практически, однако, условия кредита нарушались.

Богатые крестьяне брали крупные подряды на поставку хлеба, соли в казенные магазины и винокуренные заводы. Наиболее крупные подряды доходили до 20 и даже до 50 тыс. пудов.

И. Завалишин называл зажиточных крестьян, имевших от 70 до 100 десятин пашни и систематически применявших наемный труд, «сибирскими

фермерами». «Все работы исправляют они наймом годовых работников, которых держат иногда до 20 и более. Обувь, харчи и одежда летняя и зимняя хозяйские. Плата от 1 до 2^{1/2} р. серебром в месяц, т. е. от 12 до 30 р. сер. в год. Жнут же бабы и девки посуточно, или подесятинно. В сутки 15 к. сер., харчи хозяйския; подесятинно и до 2^{1/2} р. сер., если хлеб густ и его много».⁸¹

Распределение скота между хозяйствами было далеко не равномерным. Когда в 1825 г. стал обсуждаться вопрос об отбывании земской гоньбы натурой, то выяснилось, что некоторая часть крестьянства не сможет отбывать ее, так как не имеет лошадей. В 1842 г. зажиточные крестьяне имели по 50—70 лошадей, до 40 коров и 100 голов мелкого скота, но было немало и таких, которые имели по 3—4 лошади, 2—3 коровы.

Результатом расслоения сибирской государственной деревни явилось увеличение полупролетарских элементов. Часть крестьян постепенно теряла возможность вести самостоятельное хозяйство, переходила в разряд сельских батраков или уходила на промыслы.

В официальных документах полупролетарские элементы деревни назывались «неспособными к хлебопашеству». В Каннском округе Томской губернии, по данным, относящимся к началу 20-х годов XIX в., они составляли 7%, в Томском — 24 %.⁸² Кроме крестьян, совершенно не имевших своего хозяйства, было немало и таких, которые сочетали работу в своем маленьком хозяйстве с работой по найму.

В Иркутском и Верхнеудинском округах средний размер посева определялся в 4—5 десятин. Между тем там были хозяева, засевавшие до 100—200 и более десятин. Они эксплуатировали труд наемных работников и закабаленных должников. Такая смешанная форма эксплуатации была вообще характерна для Сибири в конце XVIII и первой половине XIX в. Постоянным источником пополнения деревенской бедноты были ссыльно-поселенцы и переселенцы из Европейской России. В 30—40-х годах XIX в. и позже ссыльно-поселенцев приписывали к селениям старожилов. Обычно немногие из числа ссыльно-поселенцев могли в первые годы обзавестись собственным хозяйством. Так, в 1841 г. из 7435 ссыльно-поселенцев только 194 человека сумели в этом же году обзавестись собственным хозяйством. Остальные, лишенные каких-либо средств к существованию, вынуждены были обращаться к различным заработкам, в том числе к работе у зажиточных крестьян за самые низкие цены. В таком же положении оказывались неимущие или малоимущие переселенцы. Эти источники дешевой рабочей силы создавали благоприятные условия для зарождения сибирской деревенской буржуазии, которая богатели, эксплуатируя ссыльно-поселенцев и переселенцев.

⁸¹ И.Завлишин. Описание Западной Сибири, т. 1, 1862, стр. 176.

⁸² ГАОО, ф. Главного управления Западной Сибири, оп.1, д.197, лл.26,27; П.Черняховский. Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии. ЖМВД, 1843, № 2, ч.11.

Однако средства, добытые в сельскохозяйственном производстве зажиточными крестьянами, чаще всего направлялись не в земледелие и скотоводство, а в торговлю, ростовщичество, различного рода промыслы, где они приносили больше дохода. Наиболее состоятельные хозяева стремились

перейти в сословие купцов или мещан. Разорившаяся беднота в свою очередь стремилась поправить дела на промыслах и лишь в случае крайней нужды обращалась к батрачеству на селе. В силу этого рынок рабочей силы для сельского хозяйства оставался узким.

С конца XVIII в. происходят дальнейшие качественные сдвиги в развитии такой своеобразной категории сельского населения Сибири, как приписное крестьянство.

В то время как повсеместно в России приписные крестьяне на казенных, частных и посессионных мануфактурах законом 15 марта 1807 г. были заменены «непременными работниками», в Алтайском и Нерчинском округах приписка к заводам сохранилась, и сибирские крестьяне вместе с группой олонечских остались последними представителями приписной системы в Российской империи вплоть до падения крепостного права.⁸³

Условия хозяйственной жизни приписной деревни Западной Сибири (Алтайского округа) отличались значительными особенностями.

Ее население росло почти исключительно за счет естественного прироста: новой приписки к кабинетским заводам после 1798 г. не проводилось, а свободное переселение в Алтайский округ до 1865 г. было запрещено. С 1780 по 1860 г. численность ревизских душ мужского пола в кабинетской деревне возросла с 55 до 149 тыс. Образуя к реформе 1861 г. абсолютное большинство приписного крестьянства империи, алтайская деревня сосредоточивала около 20% всего населения Западной Сибири и около половины жителей Томской губернии.

Алтайские крестьяне значительно позднее стали испытывать относительную земельную тесноту. Занимая наиболее плодородные земли сибирского юго-запада, они были лучше других обеспечены пахотными и сенокосными угодьями как в качественном, так и в количественном отношении: здесь не было «утеснения» старожилого населения в силу отсутствия притока переселенцев, и к 60-м годам XIX в. на душу мужского пола приходилось в среднем от 60 до 100 десятин удобной земли. Это же обстоятельство приводило к консервации архаических форм землепользования. В Алтайском округе длительное время господствовала заимочно-захватная система землепользования и до конца феодальной эпохи преобладали различные варианты залежи, сопровождавшиеся спорадическими очагами парового земледелия. Застой в технике сельского хозяйства и аграрных отношениях предопределял экстенсивный характер развития земледелия: производство хлеба росло лишь за счет распашки новых площадей и увеличения размеров посева. Но это увеличение оказалось весьма значительным. С 1800 по 1850 г. площадь посева выросла со 105 до 340 тыс. десятин, т. е. почти в 3.5 раза. Подстать рутинному земледелию было и экстенсивное скотоводство с преимущественным разведением лошадей.

Наконец, необходимо отметить еще одну отличительную черту развития кабинетской деревни: замедленные темпы развития форм землепользования и земледелия обусловили здесь соответственное замедление эволюции территориальной общины; на Алтае медленнее, чем в других районах Сибири, совершался переход от индивидуально-подворного землепользования крестьян к общинному. Длительное время община сохраняла лишь административно-податные функции, не играя роли хозяйственного органа.

⁸³ Нерчинские приписные крестьяне в 1851 г. были переведены в казачье сословие (забайкальские казаки).

Тем самым обеспечивался больший простор индивидуальному действию хозяйства, двора, семьи.

Указанные особенности открывали простор для буржуазно-фермерского пути развития крестьянского хозяйства в кабинетской деревне. Но в противовес им действовали другие факторы.

Главным фактором, тормозившим экономический прогресс в кабинетской деревне, являлся рост ренты-налога. Приписные крестьяне несли все повинности государственных крестьян в тех же размерах, что и государственные крестьяне Западной Сибири: подушную и оброчную подати, земские натуральные и денежные, рекрутскую повинность, мирские расходы. Сверх того они исполняли заводскую повинность. Всего насчитывалось 49 различных повинностей кабинетской деревни. Абсолютные размеры крестьянского обложения непрерывно возрастали. С 1780 по 1860 г. подушный оклад вырос более чем в 4 раза; непрерывно вводились дополнительные денежные сборы. Если в 1780 г. подушная и оброчная подати с ревизской души мужского пола составляли вместе 2 руб. 70 коп. ассигнациями, то к 1861 г. их сумма составляла уже 3 руб. 44 коп. серебром.

Наиболее обременительная заводская повинность росла абсолютно и относительно: в начале XIX в. на работу назначалось около 80% душ мужского пола, а накануне реформы — 95—100%; поднимался удельный вес конной работы по сравнению с пешей. Практиковавшаяся крестьянством замена личного исполнения работы наймом приводила к повышению-стоимости отработок. К 40-м годам XIX в., по неполным данным, около трети всех крестьян прибегала к замене натуральной повинности денежной, а к 60-м годам уже менее половины их исполняли заводскую работу лично.

Накануне крестьянской реформы структура крестьянского обложения в денежном выражении выглядела следующим образом: заводские повинности—59%, подушная подать — 5%, оброчная—12%, земские сборы — 4%, мирские денежные сборы — 1%, натуральные земские и мирские повинности—19%. При этом на одного едока приходилось в среднем 8 руб. 92 коп., а на одно хозяйство — 53 руб. 72 коп. серебром платежей в год.

Рента-налог выступала во всех трех ее формах, но неуклонно совершался процесс вытеснения отработочной и продуктовой форм денежной-феодальной рентой.

Абсолютный рост размеров ренты-налога сопровождался повышением ее доли в крестьянском продукте; увеличивалась интенсивность эксплуатации. При этом рост ренты-налога в предреформенный период обгонял рост экономических возможностей крестьянского хозяйства. По некоторым-подсчетам, с 1818 по 1851 г. объем повинностей вырос на 107%, а хозяйственные возможности крестьянства расширились только на 62%.⁸⁴

И тем не менее приписная деревня, взятая в целом, сохраняла еще возможности не только простого, но в благоприятные годы также и расширенного воспроизводства: к 1861 г. рента-налог составляла около трети в общем балансе хозяйства кабинетской деревни, расходы на продовольствие, фураж и семенной фонд — 45%, а остальная часть доходов образовывала свободные излишки. В отличие от частновладельческих имений России алтайская деревня предреформенной поры не испытывала деградации хозяйства.

Степень феодальной эксплуатации оказывалась неодинаковой для крестьян, проживавших на юге горнозаводского округа, в центральной части и на севере. Она повышалась по мере удаления местожительства от заво-

⁸⁴ Г. П. Жидков. Социально-экономическое развитие приписной деревни Западной Сибири (1780—1861). Автореф. канд. дисс., Новосибирск, 1964, стр. 19.

382

дов и рудников, размещавшихся в основном на юге. Личное исполнение заводской повинности крестьянами северных волостей приводило к отрыву их от собственного хозяйства, а при замене отработки наймом последний обходился в 2—3 раза дороже, чем на юге. В конечном счете простой факт различия в дальности жительства имел следствием разную направленность хозяйства, разницу в уровне благосостояния, разные темпы роста населения. Север специализировался на торговом земледелии, юг на скотоводстве; север выделял предпролетариат, юг — богачей-предпринимателей; южная деревня быстро восстанавливала хозяйство после неурожая и эпизоотии; на севере был меньший процент «годных работников» и больший — «увечных» и «убылых»; за 20 лет — с 1831 по 1851 г. население приписной деревни севера увеличилось на одну треть, центра — наполовину, а юга — вдвое.

Процесс дифференциации приписной деревни на промысловую и земледельческую, начавшийся на рубеже XIX в., не только углублял хозяйственную специализацию, но и усиливал товарность земледельческого производства в Алтайском округе. Центром зернового производства становится северная часть округа (Томский уезд), хотя на юге природные условия земледелия были более благоприятными. В предреформенный период 6 волостей Томского уезда с населением, составлявшим 12% жителей приписной деревни, производили 40% всего хлеба.

С 30-х годов товарное производство получает дополнительный толчок в связи с возникновением частной золотопромышленности в Томской и Енисейской губерниях. Алтайский округ становится для золотых приисков настоящей житницей. Возросший спрос на алтайский хлеб со стороны приисков привел к сокращению удельного веса заводского провианта в массе товарного зерна: если в 1820 г. заводской провиант составлял 80% всего товарного зерна, то в 1858 г. — лишь 40%. Хотя на Алтае, как и в других районах страны, наблюдалось смешение товарного и нетоварного земледелия, уровень товарности хозяйства кабинетской деревни в целом и темпы ее роста оказывались более высокими, чем в сельском хозяйстве Европейской России.

Если в центре за полвека (1800—1850 гг.) товарность, исчисленная от чистого сбора, выросла с 10% до 17%, то за тот же период в Алтайско-Томской части Сибири товарность, исчисленная от валового сбора, выросла с 9% до 26%.

Рост товарности хозяйства приводил к изменениям в социальной структуре приписной деревни. Общее относительное благосостояние деревни, взятой в целом, скрывало резкие имущественные контрасты и экономические противоречия между отдельными группами крестьянства. Десятая часть дворов сосредоточивала в своих руках около половины всех рабочих лошадей и треть посевов; в то же время на юге 10%, а на севере еще большая часть крестьянских семей оторвались от собственного хозяйства.

Как правило, крупные кулацкие хозяйства основывались на семейной

кооперации, но они же в широких размерах использовали постороннюю рабочую силу. Основными источниками наемной рабочей силы служили: бедняцкая часть приписной деревни, казахская беднота («джатаки» и «байгуши», т. е. бедняки, нищие), крепостные горнорабочие, «гулевые» и беглые. При этом для Алтайского округа было характерно соединение в одном лице бедняка, нанимающегося попеременно на заводскую работу и в батраки; пауперы начинали превращаться в пролетариев; происходило формирование рынка рабочей силы.

Диапазон условий найма батраков был весьма широким: от эксплуатации односельчан под видом соседской «помочи» и раздачи детей «в услужение по срокам» до договора за деньги. Кабала соседствовала и перепле-

383

талась с чисто капиталистическим наймом. Различались работники «из годовой платы», «временно проживающие в услужении», а также нанимавшиеся сезонно и поденно, особенно в страдную пору сенокосения, жатвы и молотбы.

В предреформенный период в среднем оплата одного дня работника стоила 50 коп. серебром, но при этом наблюдались большие различия в размерах оплаты труда батраков в разных районах, что порождало движение их из одной местности в другую.

Цены на продукты земледелия и скотоводства в горном округе в значительной мере начинают определяться размерами оплаты «земледельческих работников».

Конечно, основной фигурой в приписной деревне по-прежнему оставался средний крестьянин. Более того, усиление феодальной эксплуатации, изъятие путем рекрутских наборов пауперизованного крестьянства на горную службу, переход наиболее зажиточных хозяев в купечество и мещанство дополнительно влияли на «осереднячивание» деревни.

Но уже в крепостную эпоху в кабинетской деревне вполне определенно прослеживается складывание предпосылок капиталистической эволюции фермерского типа. Подобные же предпосылки складывались в деревнях государственных крестьян.

Продолжавшийся процесс заселения и освоения Сибири, возрастание спроса на хлеб и другую сельскохозяйственную продукцию, усиление связи крестьянского хозяйства с рынком, наличие свободных земель и промысловых угодий, отсутствие, за небольшим исключением, помещичьего землевладения и крепостного права, рост капиталистических отношений и товарно-денежных связей, внедрявшихся в натуральное хозяйство, — все это стимулировало развитие земледелия, скотоводства, промыслов.

Хлебородные округа Сибири доставляли хлеб не только для местных потребностей. Земледельцы этих округов снабжали хлебом северные и северо-восточные окраины России, он попадал даже в земли российских владений на Аляске, Алеутских и Курильских островах, наконец, был одним из предметов приграничной торговли. Скотоводство и охота также доставляли продукцию как для внутреннего, так и для внешнего рынка.

Сибирь стала важной сельскохозяйственной базой на востоке России. Вековой опыт русских земледельцев усваивали народы Сибири. Русские переселенцы завели «домостроение, кораблестроение и хлебопашество» на островах северо-восточной части Тихого океана и на Аляске.

Наряду с факторами, стимулировавшими рост сельского хозяйства, в Сибири существовали причины, тормозившие его развитие. Закрепощение крестьян

помещиками в Европейской России препятствовало более широкому приливу новых трудовых сил на сибирские окраины. Основу сельскохозяйственного производства составляло мелкое крестьянское хозяйство, располагавшее ограниченными материальными ресурсами и обремененное феодальным государством и Кабинетом податями и повинностями, поборами со стороны чиновников и «сельских начальников», ростовщической кабалой. Маломощные крестьянские хозяйства не обладали средствами для расширения земледельческого воспроизводства, не говоря уже о крайне отрицательном влиянии неурожая, падежей скота.

Неблагоприятно сказывались на развитии сельского хозяйства отсутствие в Сибири промышленной базы для производства и распространения сельскохозяйственных машин и усовершенствованных орудий, отсталость земледельческой техники, неграмотность большинства сельского населения. Крестьянское хозяйство вовлекалось в товарно-денежные отношения, но

384

товарность его была ограниченная, значительное место продолжали занимать натуральные хозяйственные ресурсы. Рост товарности крестьянского хозяйства сдерживался и недостаточной развитостью рынка.

3. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И РАБОЧИЕ КАДРЫ

В Сибири, богатой полезными ископаемыми, первое место среди отраслей промышленности по масштабам производства и количеству занятых в ней работников принадлежало горной промышленности. В конце XVIII и первой четверти XIX в. она, за некоторым исключением, оставалась в управлении императорского Кабинета.

В основе производства лежал труд феодально-зависимых категорий населения: мастеровых, набираемых в основном путем рекрутчины, и крестьян, приписанных к заводам. Существовали и различные формы наемного труда, применяемого в ограниченных размерах. На этих предприятиях работали также каторжане.

Кабинетские и казенные промышленные предприятия находились на мануфактурной стадии развития с характерным для мануфактуры техническим разделением ручного труда.

С 1804 г. территория Колывано-Воскресенского горного округа входила во вновь образованную Томскую губернию. Власть томского губернатора и начальника Колыванских заводов соединялась в одном лице. Он подчинялся, с одной стороны, императорскому Кабинету, с другой — западносибирскому генерал-губернатору. С 1831 г. Колывано-Воскресенский горный округ стал называться Алтайским. С 1830 по 1855 г. алтайскими рудниками и заводами управлял Департамент горных и соляных дел Министерства финансов, но характер собственности (со смешанными чертами личной императорской и казенной) оставался прежним.

Сохранение феодальных отношений в горной промышленности Сибири тормозило ее развитие. Во всей России росли капиталистические предприятия с вольнонаемным трудом, от которых все более отставали мануфактуры, применявшие подневольный труд. В первой четверти XIX в. резко сократилось, а во второй четверти вообще прекратилось строительство рудников и заводов на Алтае. Если в XVIII в. за 70 лет здесь было построено 8 заводов, то в XIX в. за